

плицитно. Логический подход в данном случае дает о себе знать прежде всего в том, что сохраняется структурно-семантическая схема повтора, меняется только действие: от отрицания осуществляется переход к утверждению. И, естественно, здесь не действует математическое правило: «от перемены мест слагаемых сумма не изменяется». Напротив, повторы-ответы или переспросы находятся в рамках тех же диалогических единиц.

Who you make me one tomorrow?

I will make me one tomorrow.

Как видим, в данном случае подтверждение осуществляется с помощью замены всего лишь одного слова. Во всем остальном – конструкция выдержана в пределах двух фраз из диалога. Несмотря на внешнюю неприхотливость двух предложений, педагог обязан обучить своих подопечных вышеназванной перестановке местоимений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XXI века. М. : Наука, 1998. 197 с.
2. *Исмайлова Д. А.* Имплицитный коммуникативно-модальный смысл отрицания в диалогической речи английского языка // Научная мысль Кавказа. 2002. № 3. С. 84–87.
3. *Тауров В. Л., Исмайлова Д. А.* Логическая задача как вспомогательный компонент методики обучения диалогической речи современного английского языка // Научная мысль Кавказа. 2002. № 3. С. 78–84.

УДК 811.161.1'373 (043.3) + 811.111'373 (043.3)

К ВОПРОСУ О НОМИНАЦИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ БОЛЕЗНЕЙ ЛАТИНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Л. Ю. Масловская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, maslouskaya@bsu.by*

В статье предпринята попытка описания некоторых номинаций болезней в русском, английском и белорусском языках в диахроническом аспекте. Проведен анализ в лингвокультурологическом аспекте диахронических изменений номинаций болезней *проказа, холера, чесотка, столбняк*, заимствованных из древнегреческого и латинского языков.

Ключевые слова: название болезни; заимствование; латинизм; грецизм; диахрония.

ДА ПЫТАННЯ АБ НАМІНАЦЫІ НЕКАТОРЫХ НАЗВАЎ ХВАРОБ ЛАЦІНСКАГА І ГРЭЧСКАГА ПАХОДЖАННЯ Ў ДЫЯХРАНІЧНЫМ АСПЕКЦЕ

Л. Ю. Маслоўская

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, maslouskaya@bsu.by

У артыкуле зроблена спроба апісання некаторых намінацый хвароб у рускай, англійскай і беларускай мовах у дыяхранічным аспекце. Праведзены аналіз у лінгвакультуралагічным аспекце дыяхранічных змяненняў намінацый хвароб *праказа, халера, часотка, слупняк*, запазычных са старажытнагрэчаскай і лацінскай моў.

Ключевые слова: назва хваробы; запазычанне; лацінізм; грэцызм; дыяхранія.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» заимствование определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [5, с. 158].

А. Ю. Романов считает, что отсутствие в языке эквивалентного слова является наиболее очевидной причиной лексического заимствования [8, с. 11]. «Время заимствования и язык-источник заимствования представляются вполне очевидными основаниями для классификации лексических заимствований. Фиксация времени заимствования и периодизация заимствования являлись основной задачей целого ряда исследований (например, Аристова 1978; Биржакова и др. 1972; Крысин 1968). Определение языка-источника лексического заимствования позволяет исследователям делать выводы о наличии тесных культурных связей со страной, из языка которой были почерпнуты новые слова» [8, с. 13].

Многие современные медицинские термины и наименования сферы социально значимых заболеваний русского и белорусского, как и английского, языков относятся к словам древних языков, принятых в среде медицины и науки того времени, а именно древнегреческого и латинского языков.

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о заимствовании некоторых названий болезней в русский, английский и белорусский языки из классических языков. В результате работы с Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) [7], корпусом английского языка [12], латинско-русским словарем [3], историческим и этимологическим словарями белорусского языка [1; 2; 10] нам удалось проанализировать в лингвокультурологическом аспекте диахронические изменения номинаций болезней *проказа, столбняк, холера, чесотка*, заимствованных в среднеанглийский период из латинского языка посредством континентальных диалектов (1100–1500 гг. н. э.).

В основном Национальном корпусе русского языка данные названия болезней впервые упоминаются в XVIII в.: *проказа* (1700–1722), *чесотка* (1775), *холера* (1776), *столбняк* (1782). Отметим, что первая фиксация лексемы *проказа* в древнерусском корпусе встречается в 1030–1118 гг. В белорусском языке первое

упоминание слов *проказа*, *чесотка* фиксируется в издании Франциска Скорины «Библия руска» (1516–1519).

Из исследуемых нами названий болезней первой по дате фиксации стала рус. *проказа* / англ. *leprosy* / белор. *праказа*. Название впервые использовано в Библии Ковердейла, где оно передает еврейское слово *cara'ath*, которое, по-видимому, было общим термином для обозначения кожных заболеваний. Номинация *проказа* также известна как *болезнь Хансена* (1938) по имени норвежского врача Герхарда Хенрика Армауэра Хансена (1841–1912), который в 1871 г. открыл бациллу, вызывающую это заболевание [11].

Первое упоминание болезни *проказа* в древнерусском корпусе встречается в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку 1030–1118 гг., следующее упоминание данной номинации – в «Диоптре» Филиппа Пустынника. Основу сочинения составляет разговор Души-госпожи и служанки-Плоти.

В основном корпусе русского языка название *проказа* зафиксировано в проповедях митрополита Стефана (Яворского) в 1700–1722 гг. [6].

Номинация *lepra* = *leprae* зафиксирована в «Латинско-русском словаре» И. Х. Дворецкого в значении ‘накожная болезнь’, преим. *проказа*. Слово заимствовано в латинский из греческого языка и впервые встречается у императорского советника, прокуратора Плиния Старшего (23–79 гг. н. э.) [3, с. 447].

Среднеанглийское название этой болезни *leper* произошло от старофранцузского *liepre* и латинского *lepra*. Но поскольку значение этого слова изменилось в конце XIV в. и приобрело новое ‘человек с проказой’, в английском языке были созданы новые существительные для обозначения этой болезни: *lepri*, *leproso*, *leprosy*, *lepruse*. Все названия датируются серединой XV в., но сейчас являются устаревшими. Местом лечения проказы является *leprosarium* ‘лепрозорий’ или *leprosary* ‘лепрозорий’ (1869, в переводе с французского) [11].

В белорусском языке слово *прокажение* сущ. ‘заболевание проказой’ фиксируется в «Историческом словаре белорусского языка». Слова, производные от существительного *прокажение*: сущ. *прокаженный*, прилаг. *прокаженный*. Лексема впервые упоминается в следующих источниках: «Библия руска» издания Франциска Скорины (1516–1519), а именно «Четвертая книга Царств» и «Второзаконие», а также у Сымона Будного в книге «Катихисисъ для детокъ хрїстианскихъ языка руского коротко выложена» (1562) [2, с. 166].

«Этимологический словарь белорусского языка» дает следующее толкование слова *лепра*: ‘проказа’ заимствовано из рус. *лепра* ‘тж’ (Круковский, Влияние, 83) < лат. *lepra* < др.-греч. *λεπρᾱ* ‘тж’ < *λέπω* ‘лушу, сдираю шелуху, кору’ (Славский, 4, 167–168) [9, с. 286]. Примечательно, что старогреческому слову *lepra* в русском и белорусском языках соответствуют рус. *проказа* / бел. *праказа*, образованные по модели родного языка и являющиеся абсолютными синонимами слову *лепра*. В белорусском словаре приводится следующее определение понятия *праказа*: ‘тяжелая кожная болезнь, которая считается обычно неизлечимой’ [9, с. 493].

Номинация болезни русск. *чесотка* / англ. *scabies* / белор. *капаста* в НКРЯ впервые упоминается в 1776 г. в университетском издании «Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ»: «Не всякая опасная болѣзнь бываетъ прилипчива, и не всякая прилипчивая опасною, на

примѣръ: обыкновенныя горячки бываютъ такъ жестоки, что болящій весьма скоро и очевидно умираетъ, но другаго, который около него обращается, не заражаетъ: чесотка, венерическая болѣзнь, и другія нѣкоторыя пристають къ другому, но безъ таковыхъ приключеній, какъ отъ моровой язвы» [7].

Номинация *scabies* в латинском языке представлена в четырех значениях: 1) шероховатость, шершавость; 2) нечистота, грязь; 3) парша, чесотка или струпья, сыпь; 4) перен. зуд, сильное влечение; похоть [3, с. 688]. Самые ранние свидетельства о чесотке в Оксфордском словаре английского языка относятся примерно к 1400 г. и встречаются у Ланфранка, одного из самых влиятельных хирургов Средневековья и личного врача французского короля Филиппа IV, чьи труды на латыни оказывали влияние на хирургическую практику вплоть до XVII в. В корпусе английского языка слово *чесотка* представлено в двух значениях: 1. устар. *чесотка* – общий термин для обозначения кожных заболеваний, характеризующихся чешуйчатой или шелушащейся сыпью (около 1400–1742 гг.); 2. заразное кожное заболевание, вызываемое паразитом *Sarcoptes scabiei*; зуд [12].

В белорусском языке номинация *кароста* ‘чесотка’ фиксируется в историческом словаре: ‘кароста; гнойныя струпы, прышчы’. Впервые встречается в «Библии русской» Франциска Скорины 1516–1519 гг. в книге «Второзаконие», отмечено в книге «Аристотелевы врата» к. XVI ст и «Духовные беседы святого отца нашего Макария пустельника египетского» (1620) [1, с. 30].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» название *кароста* представлено в двух значениях: 1. ‘короста (болезнь)’; 2. ‘костра’. Название болезни *короста*: бел. *кароста*, укр. *короста*, рус. *короста*, ст.-слав. *краса*, болг. *краса*, макед. *краса*, серб.-хорв. *крѡста*, славен. *krāsta*. Общее значение ‘короста, парша, струпья’. Обращает на себя внимание ирландское. *carrah* ‘покрытый струпьями, паршой’. В ирландской лексеме легко выделяется суффикс *-ach*, а *carr* < **kars* – ‘кожная болезнь’ имеет регулярные славянские соответствия, они вводятся к праслав. *sъrx* – (бел. *шаршыць*, рус. *шершавый*, чеш. *srchý* и балт.: лит. *šiurkštūs* ‘грубый, шершавый’, *pašiūrti* ‘становиться грубым, шершавым’). Сравнение кельт. и слав. форм ведет к необходимости реконструировать **kors* / **krs*. Это показывает, что прасл. *korsta* отображает кельтскую фонетику и семантику и является, таким образом, лексическим проникновением [10, с. 276–277].

В русском языке название *холера* в НКРЯ зафиксировано в 1776 г. в «Памятной книге» Г. Г. Томилова, В. Г. Томилова, где было описано начало эпидемии болезни в Москве: «И возвратились домой в понедельник 8 числа сентября. Провоз же на лодках по 15 коп. с пуда. 15-го числа сентября открылась в Москве эпидемическая болезнь *холера*. 29-го государь император Николай Павлович проехал чрез Тверь в Москву, где пробыл до 5-го октября. Первого же октября Москва по случаю появления болезни оцеплена и запрещен въезд во оную и выезд из оной. Октября 3-го учреждены карантинны на реке Шоше и на всех проездах Московской губернии... (1776)» [7].

Номинация *cholera* заимствована в латинский язык из греческого. Имеет два значения: 1) желчь (первое упоминание III–IV вв. н. э.) у римского историка Элия Лампридия; 2) рвота и понос с желчью, предположительно *cholera* у Авла

Корнелия Цельса древнеримского ученого-энциклопедиста (I в. н. э.), Плиния Старшего – римского государственного деятеля (23–79 гг. н. э.) [3, с. 138].

В английском языке номинация *cholera* представлена в 21 значении, среди которых встречаются устаревшие, вышедшие из употребления или редкие. Например, понятие *cholera* определялось как: 1. Желчь (особенно как одна из четырех жидкостей организма) (около 1398 г.); 2. В древней и средневековой физиологии и медицине: желчный пузырь (*choler*) в форме, имеющей темный или черный цвет; = черный желчный пузырь. Существительное стало устаревшим, а в более позднем употреблении – историзмом; 16 значений номинации *cholera* актуальны и сегодня [12]. С 1807 г. и по настоящее время наиболее распространенным значением слова *cholera* в Оксфордском словаре считается значение 4: «Острое инфекционное заболевание, обычно передающееся через воду и часто возникающее во время эпидемий и пандемий, вызываемое бактерией *Vibrio cholerae*, характеризующееся рвотой и обильной водянистой диареей и часто приводящее к обезвоживанию, шоку и смерти при отсутствии лечения. Бактерия *Vibrio cholerae* прикрепляется к эпителиальным клеткам тонкого кишечника, но не проникает в них, вырабатывая токсин, который вызывает характерную для холеры диарею, часто сравнимую с рисовым отваром. Эта болезнь, эндемичная в некоторых частях Южной Азии, не была широко признана как отдельное заболевание до ее первой и второй пандемий, которые начались в Индии в 1817 и 1829 гг.; вторая пандемия достигла Западной Европы в 1831 г. и Северной Америки в 1832 г. Ее до сих пор часто называют азиатской холерой или эпидемической холерой» [12].

В Беларусь холера попала из Королевства Польского в 1831 г. В Гродненской губернии она появилась 1 апреля 1831 г. и продолжалась до 1 октября, заболели 1 942 человека, летальность составила 48,7 %. В Гродненской губернии и уездах были созданы холерные комитеты, «учреждаемы были частные оцепления», «особые госпитали и карантин». В обязанности уездных врачей входило проведение «медико-полицейских мер для прекращения эпидемии».

Вторая эпидемия холеры пришлась на вторую половину 1848 г. Надо отметить, что до этого большинство врачей не считали холеру заразной. Во вторую волну взгляды на заразность холеры стали меняться. Так, появились утверждения, «что холера заразительна и заражаются ею или через воздух, или от соприкосновения с больным», а также, что «подобно кори и оспе необходимо при этом индивидуальное предрасположение». Некоторые врачи указывали «на заразительность испражнений больных холерой». С 1853 г. для лечения больных холерой открывались временные больничные отделения за счет средств Приказа общественного призрения с бесплатным лечением. Во время эпидемии холеры в 1856 г. в Лидской военно-временной больнице было открыто холерное отделение.

Эпидемии холеры периодически поражали земли Беларуси в 1866–1867 гг., в 1871 и 1893–1894 гг. Эти эпидемии были также весьма тяжелыми. Например, во время эпидемии холеры в 1871 г. летальность составила 43,1 %. В числе умерших были четыре фельдшера [6].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» лексема *халера* определяется как: 1. Острозаразная кишечная болезнь, которая сопровождается рвотой, поносом, общим нарушением деятельности организма [10, с. 717].

Название болезни рус. *столбняк* / англ. *tetanus* / белор. *слупняк* частично заимствовано из классического латинского языка *tetanus* ‘судорожное напряжение мышц’ (Плиний), а частично из древнегреческого *tétavos* ‘мышечный спазм’ [12].

Примечательно, что лексема *столбняк* не описана ни в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, ни в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных. Что касается семантики слова *столбняк*, то в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова оно представлено в двух значениях: 1. Острое инфекционное заболевание человека и животных, вызываемое находящейся в почве бациллой, попадающей в организм через рану, царапину, и т. п., и характеризующееся резкими судорожными сокращениями всех мышц; 2. Разг. Состояние неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения; остолбенение [4, с. 1272].

Первое упоминание о столбняке в НКРЯ встречается у Д. И. Фонвизина в комедии «Недоросль» (1782), где слово употребляется во втором значении ‘состояние неподвижности, оцепенения’: «*Ежели столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка*» [7].

В «Оксфордском английском словаре» (Oxford English Dictionary) самое раннее свидетельство о столбняке относится к периоду до 1398 г. и содержится в тексте перевода Варфоломея Английского Джоном Тревиза. Существительное *tetanus* фиксируется в трех значениях: 1. Мед. а) устар. (около 1398 г.). Заболевание людей и животных, характеризующееся постоянным сокращением как некоторых, так и большинства произвольных мышц тела с сопутствующими тяжелыми мышечными спазмами, часто приводящими к смерти от удушья, если их не лечить. В таком значении слово использовалось для обозначения разновидности генерализованного мышечного спазма, при котором тело удерживается в строго прямом положении. Столбняк вызывается нейротоксином (тетаноспазмином), вырабатываемым анаэробной бактерией *Clostridium tetani*, споры которой попадают в организм через грязные раны (особенно колотые раны, а у новорожденных – через остаток пуповины). Первым признаком столбняка часто является постоянное сокращение мышц челюсти; б) *столбняк*, лексема употребляется в форме ед. и мн. числа: например, случай или вид столбняка; (особенно в раннем употреблении) мышечный спазм. Сейчас встречается редко; 2. Физиолог. Длительное сокращение мышцы, вызванное быстро повторяющейся электрической или химической стимуляцией (в таком значении слово употребляется с 1847 г.) [12].

В белорусском языке лексема *слупняк* зафиксирована в «Толковом словаре белорусского языка» и в «Этимологическом словаре белорусского языка» как: ‘острая инфекционная болезнь, которая ведет к судорогам мышц’ [9, с. 194; 10, с. 197].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что названия многих современных болезней, существующих в неблизкородственных языках, берут свое начало из древнегреческого и латинского. На протяжении длительного времени многие значения таких болезней как: *проказа, столбняк, холера, чесотка* исчезали, сама форма номинации той или иной болезни претерпевала значительные изменения. Названия болезней заимствовались в английский язык в среднеанглийский период, а в русский язык большей частью во второй половине XVIII в.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 16. Корж-лесничанка / склад. А. М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Беларуская навука, 1997. 359 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 29. Пристрастный-ракъ / склад. І. У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Беларуская навука, 2009. 484 с.
3. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 11-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. – Медиа, 2008. 843 с.
4. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энци., 1990. 683 с.
6. *Мохор Валентина.* Эпидемии на территории Беларуси через призму истории 19-го века. URL: <https://medvestnik.by/dosug/epidemii-na-territorii-belarusi-cherez-prizmu-istorii-19-go-veka> (date of access: 01.07.2025).
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of access: 01.07.2025).
8. *Романов А. Ю.* Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб. : Изд-во С.-Птб. ун-та, 2000. 152 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларуская Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. 968 с.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / [В. У. Мартынаў, А. Я. Супрун, Г. А. Цыхун і інш.]. Вып. 1–14. Мінск : Нав. і тэхн., 1978–2017.
11. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 01.07.2025).
12. Oxford English Dictionary. URL : <https://www.oed.com> (date of access: 01.06.2025).

УДК 811.161.3'276.6:51

ТЭРМІНАЛОГІЯ КРЫПТАГРАФІІ ЯК АДЗІН СА СКЛАДНІКАЎ ТЭРМІНАСІСТЭМЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

А. М. Муравіцкая

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, almurav@yandex.by*

У артыкуле разглядаецца функцыянаванне крыптаграфічнай тэрміналогіі ў дыяхранічным і сінхронным аспектах, вызначаецца месца крыптаграфічнай тэрміналогіі ў тэрмінасістэме беларускай мовы. Шмат увагі надаецца гісторыі і развіццю крыптаграфічных сістэм ад старажытасці і да нашых дзён. Прыводзяцца прыклады сучасных беларускіх крыптаграфічных тэрміналагічных варыянтаў, абрэвіятур і інш.

Ключавыя словы: тэрмін; тэрміналогія; тэрмінасістэма; крыптаграфічная тэрміналогія; тэрміналагічны корпус.